

ГЛАВА IV

СИМВОЛИКА И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Можно было предположить, что изображения, встречающиеся на сасанидских печатях, созданы по мотивам «Авесты» и богатой персидской эпической литературы. На эту сторону вопроса обратили внимание еще Ф. Аккерман¹, В. Луконин² и др. В действительности же все изображения, встречающиеся на произведениях различных областей сасанидской культуры—скульптуры, ювелирики, фрески, ювелирного искусства, ткачества, а также глиптики, весьма однородны, питаются одним источником и часть их нашла свое отражение и в монументальных письменных памятниках. Исследователи правильно заметили, что встречающиеся на печатях композиции довольно ограничены и, с другой стороны, отдельные детали этих композиций весьма каноничны.

Р. Гебль в одной из своих статей, приводя некоторые статистические данные относительно сасанидских печатей, приходит к заключению, что композиция изображений на печатях была весьма ограниченной. Он отмечает каноничность изображений, которая играла определенную роль на печатях личного характера³.

Совпадение сюжетов в разных памятниках искусства сасанидского периода говорит о роли канона и символики в этом искусстве⁴.

Изображения, встречающиеся на печатях булл, найденных в Двине, независимо от места нахождения, тесно связаны с подобными сасанидскими памятниками. Конечно, большая часть печатей, которыми сделаны оттиски, плоды сасанидского искусства. Следует считать неслучайным тот факт, что

часть печатей, по-видимому, принадлежала местным высокопоставленным лицам и по своей композиции весьма близка к композиции печатей, созданных в сасанидской среде. Весьма вероятно, что символика этих печатей совпадает с символикой сасанидских печатей. Это явление обусловлено ареалом распространения персидского влияния.

По этому поводу академик И. А. Орбели писал: «Этот своеобразный подбор сюжетов, во многих случаях несомненно стоящий в связи отчасти с религиозными, отчасти с магматическими представлениями, являясь отражением наиболее интимной стороны жизни древних персов и культуру с ними связанных народов, полон особого интереса, и широкий диапазон степеней технического совершенства этих изделий... еще более подчеркивает близость этих вещей к повседневной жизни»⁵.

Для того, чтобы эти явления стали более понятными, рассмотрим изображения и композиции, которые встречаются на буллах Двина.

Все животные и птицы, встречающиеся на буллах, в той или иной мере связываются с тотемическим культом, мифологией и космогоническими воззрениями. Часть их является символами созвездий или звезд, имеющих в Зодиаке⁶. Ф. Аккерман, подробно изучив эти связи с печатями вопросы, классифицировал отдельные божества и символы⁷. Надо отметить, что исследователями в основном признана классификация сасанидских печатей, предложенная Аккерманом. В. Лукоинным сделан ряд интересных замечаний относительно символики, которая имеет связь с древнеперсидскими текстами.

¹ См. Ph. Ackerman, Sasanian Seals, SPA, I, c. 784—815.

² См. Сасанидские геммы, с. 31.

³ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullen..., c. 97.

⁴ См. Сасанидские геммы, с. 32—33.

⁵ И. А. Орбели, Сасанидское искусство, с. 291.

⁶ См. Անանի Շիրակացի, Տիեզերագիտութիւն և աստղագիտութիւն, 1940, с. 20—21.

⁷ См. Ph. Ackerman, указ. соч., с. 802.

Так, изображение быка на печатях могло быть символом бога победы Веретрагны, который связывается с Сириусом (символ Сириуса—златорогий бык)⁸.

А. Бивар в каталоге сасанидских печатей Британского музея дает классификацию печатей по изображениям, сохраняя внутри групп хронологические рамки⁹.

Р. Гсбль в одной из своих работ предлагает классификацию печатей по изображениям¹⁰. Он прямо указывает, что при классификации печатей надо исходить из изображений, временами учитывая легенды¹¹.

В классификации сасанидских печатей большую роль играют буллы. В этом аспекте весьма интересно исследование П. Харпер относительно изображений на оттисках и стилизованных форм резьбы, встречающейся на печатях. Изображения печатей на буллах Каср-и Абу Насра П. Харпер делит на следующие группы: 1) изображения людей; 2) изображения животных; 3) птицы; 4) растения; 5) фантастические существа; 6) символы, ишаны, монограммы. Эта классификация и рассмотрение изображений печатей выполнено с широким охватом сравнительного материала¹².

Анализ изображений и классификация сюжетов печатей булл Двина выполнены нами на основе указанной работы П. Харпер.

Изображения людей. В отличие от булл Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана, на которых довольно много оттисков с изображением людей, в собрании Двина подобные печати встречаются очень редко. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что буллы Двина опечатывались местными нахарарами, торговцами и др. и, вероятно, в составлении данных документов не принимали участие высокопоставленные сановники сасанидского двора или губернаторы, на печатях которых имелись изображения людей с надписями о личности, должности и прочие атрибуты.

Печати с изображением людей в Двине встречаются семь раз; одна из них (2197/314) оттиснута на булле трижды. Последняя сохранилась весьма плохо, но тем не менее заметно, что стоящий в центре человек держит справа какое-то животное, продолговатое туловище и конечности которого хорошо подчеркнуты. В левой части слабо выраже-

ны какие-то черточки, возможно это—изображение меча. Верхняя часть печати не сохранилась. Четко обрисованы ноги человека и широкие панталоны.

Очень интересно изображение всадника на булле с одной печатью (табл. VI, 56). Вся композиция весьма динамична. Всадник держит в правой руке меч (или копье), на голове у него треугольная шапка. В нижней части печати, непосредственно под конем, изображена стилизованная серна. Подобная композиция почти не встречается на сасанидских печатях, и она более характерна для греко-римского мира. Однако сцены охоты занимают довольно большое место на сасанидских серебряных чапах, часть которых создавалась в Иране и подвластных ему странах.

Остальные три—обычные печати, и на них изображены люди во весь рост и в разных позах. К сожалению, плохая сохранность изображений не позволяет рассмотреть детали, однако предполагается, что двое из них держат в руках оружие.

Изображение животных. На буллах Двина встречаются многочисленные печати с изображениями животных—в отдельности и в разных вариациях. Встречаются изображения льва, волка, серны, барана, кабана, медведя, оленя, мыши.

Оттиски с изображением льва встречаются в нашем собрании три раза, два из них—в материалах VI—VII вв., один—на булле IX в. Один из оттисков—отдельный, возможно, что с функциональной точки зрения он принадлежит другой группе булл. Здесь изображен сидящий лев с густой гривой, голова его покоится на передних лапах. Детали туловища выполнены со всей точностью. Лев расположился в тени дерева, которое имеет три ветви. В верхней части печати имеется надпись (табл. VI, 58). Подобный мотив часто встречается на сасанидских печатях. Много печатей с изображением льва в подобной позе, но без дерева, имеется на буллах Каср-и Абу Насра¹³. Две геммы с весьма близким изображением хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа¹⁴, они датируются IV—V вв. На другом оттиске с изображением льва, который сделан на булле с четырьмя печатями, лев изображен стоя и сильно стилизован. Здесь также он стоит в тени дерева (табл. VI, 54). Оба оттиска имеют надписи. Подобные изображения часто встречаются как на сасанидских, так и на раннесредневековых армянских горельефах. Следует отметить особенно рельеф с изображением льва на южном

⁸ См. Сасанидские геммы, с. 34.

⁹ См. A. D. H. Bivar, указ. соч.

¹⁰ См. R. Göbl, Der Sasanidischen Siegelkanon, Braunschweig, 1973.

¹¹ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Toubullen..., с. 97.

¹² См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 66—87.

¹³ См. там же, с. 72, 73, Д10, 37, 50, 54 и далее.

¹⁴ См. Сасанидские геммы, № 311, 312.

фасаде церкви Птхин, который весьма близок к упомянутой тематике по своему содержанию и исполнению¹⁵.

Лев, как воплощение силы, ловкости и мощи, известен у всех народов и как защитник выступает и на Ближнем Востоке, где его изображения были широко распространены¹⁶.

У армян также культ льва восходит к древности, он отождествлялся с солнцем, в нем усматривали воплощение силы, плодородия, мощи: «Հառիժէն անի՛ն՝ Բէ որ ի նմայն ծնանի քաշաիրաւ և հաշար լինի»¹⁷: («Относительно льва говорят, что кто рождается в общении с ним—бывает храбр и горд»).

В тотемистическом культе свое отдельное место занимали волк, собака. Собака выступала как воплощение верности, преданности, она издавна служила человеку. Следует считать не случайным, что этот восходящий к древности культ проник и в христианскую действительность и отразился в декоративном и прикладном искусстве. На буллах Двина изображения волков и собак встречаются четыре раза (чаще, чем изображения других животных). Две из них повторяют почти одинаковую композицию, разница заключается только в формах печати: одна—круглая, другая—прямоугольная. Под туловищем четко изображен детеныш, который сосет молоко матери (табл. IX, 85, XV, 19). В одном случае—несколько вытянутость туловища, в другом—повреждение оттиска не позволяют полностью воспринять изображение. На другом оттиске волк изображен бегущим, что заметно по его позе и расположению конечностей. На четвертой печати несомненно изображена собака с согнутым длинным хвостом и вытянутыми вперед лапами (табл. I, 9). Первые три изображения имеют свои параллели в материалах Каср-и Абу Насра¹⁸, в коллекциях Британского музея¹⁹ и Государственного Эрмитажа²⁰. Культ волка и собаки имелся почти у всех народов—с разными оттенками. Он нашел свое определенное место и на сасанидских печатях, на которых воплотились официальная религия и народные верования.

На буллах Двина часто встречаются

оттиски с изображениями баранов, серн и оленей. По общему стилю изображения они походят на идентичные образцы из Каср-и Абу Насра²¹. Все они—печати личного характера и не имеют надписей. Бараны имеют ленты, они являются символами бога удач и царского величия Хварены. В. Луконин отмечает, что в раннесасанидский период (III в.) подобные сюжеты не встречаются ни на горельефах, ни на печатях²².

На памятниках раннесредневековой Армении часто встречаются изображения оленей (Касах, Ахц). Олень отождествляется с козорогом и, согласно Ширакаци, «որ ի նմայն ծնանի խոհեմ, զոռոզ և դաւաճան լինի»²³, («Кто рождается в общении с ним—бывает благоразумным, самодовольным и лукавым»). Олень считался воплощением одного из пяти космических элементов—воды и в персидской мифологии связывался с культом Анахиты²⁴. В. Аракелян связывает найденные в христианской среде скульптуры оленей с христианской символикой, согласно которой он представлял тоску по небесному царству²⁵. Баран считался священным животным и приносился в жертву. «Խոյն ունի զիշխանական, զգեզեցականն»²⁶, («Овн обладает [чем-то] княжеским, прекрасным»). Слово «խոյն» (тиара, митра), обозначавшее отличительный княжеский знак, происходит от слова «խոյ» (баран), возможно, ветви тиары первоначально считались похожими на бараньи рога.

На буллах Двина редко встречаются печати с изображениями кабана, медведя и мыши. На одной из печатей изображена голова медведя en face, с астральным знаком, что редко встречается на сасанидских печатях (табл. IV, 34). На буллах Каср-и Абу Насра изображение мыши встречается редко²⁷. В Двине это изображение известно на одном образце (табл. VI, 51). Отметим, что весьма интересный фрагмент сохранился в канонах Кирилла Александрийского: «Բահանաւ որ աւրհնէ զմթերս րմպիւնաց յորս անկանի մուկն կամ այլ ինչ զարշիւի սոգուն, կամ հնձան՝ անիծեալ լիցի քահանայն և անսորր իրրեւ րզմունկ, ի կարգէն լուծցի...», Чашոմեմ Կիրողի Աղեմ-

¹⁵ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 85.

¹⁶ См. Ф. С. Бабалян, Средневековая художественная керамика и семантика ее орнамента, Автореф. канд. дис., Ереван, 1974, с. 14—15.

¹⁷ Անանիա Շիրակացի, указ. соч., с. 20.

¹⁸ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 75, D67, 308, 313, 448.

¹⁹ См. R. Göbl, Der Sasanidischen Siegelkanon, 40 q, с. d; A. D. H. Bivar, указ. соч., ЕАЗ.

²⁰ См. Сасанидские геммы, с. 749.

²¹ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 250 и сл.

²² См. В. Г. Луконин, Искусство древнего Ирана, М., 1977, с. 209.

²³ Անանիա Շիրակացի, указ. соч., с. 21.

²⁴ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 90.

²⁵ См. там же, с. 90.

²⁶ См. Там же.

²⁷ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 75, D 435.

սփնդանի²⁸: («Священник, благословляющий жидкие продукты потребления, оскверненные мышью или другим мерзким пресмыкающимся, либо погреб, да будет проклят сей священник и порочен, как мышь, он должен быть лишен сана»).

Оттисков с изображением скорпиона — четыре, из них на двух скорпион изображен с птицей, на одном — с луной, а на одном — отдельно (табл. VI, 53, IX, 86). Согласно классификации Ф. Аккермана, скорпион выступает как символ созвездия²⁹. Все созвездия считаются «добрыми» божествам, однако едва ли скорпион выступал только под этим атрибутом. Нам представляется, что скорпион являлся прежде всего символом божества зла и мрака. Еще в древнеармянской мифологии мы видим скорпиона в этой роли. «Айк соперничал с Анаит, которая направила скорпиона ужалить Айка — Ориона, и от этого укуса Айк умер»³⁰. Божество скорпиона имеется в урартском пантеоне. Скорпион часто встречается также на поздневавилонских и ассирийских печатях³¹. В сасанидской мифологии скорпион иногда выступает как предвестник зла³². Однако на печатях он выступает как символ созвездия, как залог успеха.

Как было отмечено, на буллах арабского периода изображения животных резко уменьшаются. Вопрос запрета изображения животных в средневековой мусульманской среде давно интересует исследователей. Однако отмечено, что в Коране на этот счет нет четких данных, и запреты, вероятно, относятся к религиозным предписаниям XI—XIV вв.³³. Важно отметить, что в раннеарабском искусстве, особенно в геральдике, изображения различных животных встречаются довольно часто³⁴.

Птицы. Большая часть изображений на оттисках булл Двина — птицы, главным образом изображения голубя, аиста, фазана, орла-грифа, павлина, лебедя, утки и т. д. Они выступают как в отдельности, так и с другими животными (со змеями, скорпионами и оленями). На десяти оттисках птицы изображены вместе с небесными светилами, в частности с полумесяцем. Эта группа птиц широко распространена в позднесасанидской

глиптике. С точки зрения техники изображения определенное сходство имеется между буллами Двина, Каср-и Абу-Насра и Тахт-и Сулеймана, что свидетельствует о создании их в одной и той же среде.

Эти сюжеты на буллах тесно связаны с культом и, в частности, они ясно выступают в религиозных текстах зороастризма. Эта группа птиц связывается преимущественно с небесным культом, символизируя идею бессмертия души. С идеей плодородия связаны изображения аиста, райской птицы — павлина.

В армянской действительности культу птиц также отводилось большое место — издавна и до наших дней. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические и этнографические материалы. В своем исследовании, посвященном раннесредневековой армянской скульптуре, В. Аракелян подверг тщательному рассмотрению мифические и символические изображения птиц³⁵. Поэтому мы, не останавливаясь на этом вопросе, сделаем лишь некоторые замечания в пределах возможностей, представленных нашим материалом.

Изображения орлов, аистов, голубей, петухов встречаются также на средневековых керамических сосудах, которые, несомненно, в какой-то форме связаны с культом, восходящим к предшествующим периодам³⁶.

На буллах часто встречаются птицы, в клюве которых зажата змея. Вероятно, это изображение символизирует борьбу, победу над злыми силами. Иногда птицы выступают вместе с извивающимися змеями, что символизирует идею бессмертия. Культ змеи занимал у армян большое место и сохранился в армянских народных верованиях в качестве образа предков, хранителя души и т. д.³⁷

В средние века был широко распространен культ петуха-фазана. В персидской религиозной литературе петух выступает как хранитель дома, который борется против сна, лени и прочих нечистых сил. Культ петуха был распространен не только в Иране, но и в Средней Азии и на Кавказе. У армян до последнего времени весьма популярны петушиный бой. Во многих церквах содержали украшенных петухов, которые предсказывали хорошую погоду. Изображения петухов имеются на армянских церквах (Ахтамар) и в миниатюре (Евангелие из Мугни).

Орел — символ солнечного божества. Во-

²⁸ Կաթնփայտի Զաւոյ, Բ, էջ 60—61.

²⁹ См. Ph. Akerman, указ. соч., с. 801.

³⁰ В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 79.

³¹ См. Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 231.

³² См. Сасанидские геммы, с. 35.

³³ См. Г. П. Михалевиц, Сообщение Насир Да-Дина Тус о резном изумруде Хорезмшаха Текеша, «Средняя Азия и Иран», сб. статей, Л., 1972, с. 109.

³⁴ См. L. A. Mayer, *Saracenic Heraldry*, Oxford, 1933.

³⁵ См. В. Аракелян, указ. соч., с. 78—94.

³⁶ См. об этом подробно Ф. С. Бабалян, указ. соч.

³⁷ См. Մ. Արեղյան, Զաւոյ Ժողովրդական հավատքը, Երևան, հ. է, Երևան, 1975, с. 63—65.

площадная в нем идея силы и охраны наблюдалась и в средневековой Армении. Изображения орла неоднократно выступают на церквах и светских строениях, в геральдике и т. д. На одной из печатей орел является символом силы, мощи и, быть может, власти; он изображен в грозной позе, с полураскрытыми крыльями, с головой, повернутой несколько вправо (табл. III, 27). Это изображение имеет некоторое сходство с изображением орла на капителях Звартноца.

На одном из оттисков изображена пара птиц на стилизованном дереве, они как будто клюют плод (табл. VI, 57). Дерево представлено в форме креста. Мотив двух птиц на кресте часто повторяется в армянских монументальных памятниках раннего средневековья. В весьма архаичной форме этот мотив встречается в южной нише мавзолея Аршакидов в Ахце (60-ые гг. IV века)³⁸. Подобную композицию мы видим в Еревуке, на одной из древних, отдельно лежащих капителей (V в.)³⁹, а также на орнаменте, сохранившемся на северной стене Эчмиадзинского кафедрального собора⁴⁰. Мотив пары птиц впоследствии получил широкое распространение в миниатюре⁴¹, а также в резьбе по дереву (севанские капители, IX в.)⁴².

Идея плодородия, рождения, долговечности жизни, которая символизирована в указанной группе и выступает в разных памятниках искусства, восходит еще к дохристианскому периоду. Эта идея отразилась в духовной и материальной культуре многих народов. Однако указанный мотив чаще встречается в армянской действительности. Важно отметить, что в сасанидской глиптике подобные параллели отсутствуют. Следовательно, можно утверждать, что указанная печать была создана в армянской среде и принадлежала армянскому светскому типу.

Говоря об изображениях птиц, встречающихся на буллах Двина, нельзя игнорировать группу изображений птиц на перкви Птхни. На вейчике одного из северных окон перкви в медальонах высечены изображения птиц, которые весьма близки к изображениям птиц на оттисках булл Двина, а также Каср-и Абу Насра и вообще сасанидских печатей. Это сходство в изображении

говорит о взаимном воздействии, которое заметно в прикладном искусстве и монументальной скульптуре VI века.

Растительные изображения. В отличие от булл из Каср-и Абу Насра, в Двине очень мало печатей с изображением растений. Среди них можно упомянуть печать сирпийского происхождения с изображением пальмы, печати с изображением листьев, походящих на виноградные, и стилизованных деревьев—всего 7 штук. На раннесасанидских печатях изображения растительности встречаются очень редко. В Лукоини считает, что эти изображения (различные цветы, плод граната и т. д.) являются символами культа Анахиты, распространенного в Иране в IV в.⁴³ В армянском раннесредневековом искусстве в первоначальный период растительные мотивы весьма сдержанны, больше стилизованы, как это можно судить по мавзолею Ахца и базилике Касаха и ряду памятников. В VI—VII вв. растительный мотив получил широкое распространение и стал изображаться более реально. Это особенно заметно по храму Звартноц, который, как известно, составил целую эпоху в истории армянской архитектуры и орнаментики.

Фантастические существа. Хотя печатей этой группы немного, но мы их делим на две части. Печати первого типа, на которых изображены гопатшах и крылатый конь, несомненно, имеют сасанидское происхождение. Оба этих мотива много раз встречаются на сасанидских печатях и буллах. Гопатшах часто встречается в персидских письменных памятниках и на рельефах. Этот образ человека-быка, являющийся результатом исторических тотемистических представлений народов Передней Азии, проник в древнеперсидское искусство еще в ахеменидский период. Гопатшах, по-видимому, связывался с охраной воды и орошением. Этот вопрос подробно исследовала К. В. Тревер⁴⁴.

Печать с изображением гопатшаха встречается и на одной из двинских булл IX века (табл. XI, 112). Однако печать, несомненно, была изготовлена в более ранний период. Печати такого же типа хранятся в Государственном Эрмитаже и опубликованы В. Лукоиним. По своим изображениям они весьма близки к образцу из Двина⁴⁵.

Печати второго типа созданы в христианской среде. На одной из них изображен амур с веткой в руках, на другой—пара амуров (табл. XV, 18). На сасанидских печа-

³⁸ См. В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 84, рис. 62.

³⁹ См. Francesco Gandolfo, *Chiese e cappelle armenie a navata semplice dal IV al VII secolo*, Roma, 1973, с. 43.

⁴⁰ См. Լ. Ագաբեյան, Վաղ միջին դարի Երևանի քաղաքը, с. 40, рис. 10.

⁴¹ См. Ա. Մանգալանյան, Հայկական զարդարված քարեր, 1955, с. 371—374.

⁴² См. В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 81—82.

⁴³ См. В. Г. Лукоини, Искусство древнего Ирана, с. 209.

⁴⁴ См. К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II, Л., 1940, с. 71—86.

⁴⁵ См. Сасанидские геммы, № 262, 263.

тах эти изображения весьма редки. В Каср-и Абу Насре имеется один образец печати с двумя амурами⁴⁶. По своей тематике они весьма близки к позднеримским печатям.

Символы, ишаны, монограммы. Среди булл Двина своеобразное место занимают печати с христианскими и зороастрийскими символами. Встречающийся на печатях крест не может рассматриваться лишь как простое украшение. Известна политика Сасанидского государства в отношении христианства и христианских народов в IV—VI вв., особенно в условиях непрерывной борьбы против Византийской империи. В этом аспекте весьма показательна борьба армян в IV и особенно в V веке против сасанидского владычества, когда Иран усматривал залог успешной ассимиляции армянского народа в принятии им зороастрийской веры. Навязывание зороастризма христианским народам было лишь ширмой, за которой скрывалась захватническая политика Сасанидского государства. В таких условиях одним из основных вопросов политики персидских кругов и духовной знати было отношение к христианству.

Основной символ чужой веры (в данном случае—крест) не мог использоваться на печати в качестве бессодержательного украшения⁴⁷. Мы склонны видеть здесь определенный знак, который подтверждает принадлежность владельца печати к христианству.

Иногда встречаются печати, созданные в зороастрийской среде и затем перешедшие в руки христиан, которые дополнительно выгравировали на них знак креста. А. Борисов справедливо считает эти знаки креста магическими знаками, которые должны были уничтожить воздействие зороастрийского содержания печати⁴⁸.

Печати с изображением креста на буллах Двина встречаются 7 раз. Печати с разными знаками креста на одной булле встречаются лишь однажды. Одна из этих печатей со знаками креста датируется IX веком (табл. XVI, 6).

У Лазаря Парбеци имеется упоминание о том, что перстень Григора Лусаворича (Просветителя) имел изображение креста: «...և դիր զմատանին, զգծած խաչի քան...»⁴⁹ («...и надень перстень с изображением твое-

го креста»). Неоднократно упоминаемые в средневековых армянских рукописях перстни «католикосов», «патриархов», «епископов» и прочих церковников имели украшение в форме креста. Печати с крестом, встречающиеся на данных буллах, принадлежали только духовным лицам.

Встречающиеся на печатях кресты не одинаковы по своей форме. Как правило, нижние концы креста длиннее, большая часть концов завершается шариками. В армянских памятниках подобные кресты встречаются в слоях VI—VII вв. и в монументальной орнаментике. В качестве примера можно указать крест из туфа, а также обломки таких же крестов, найденные в Двине близ резиденции католикоса⁵⁰, которые своей формой повторяют образцы, встречающиеся на буллах. С этой точки зрения весьма характерен также золотой крест из Двина, в центре которого помещена гемма с изображением орла.

Древнейшие кресты, встречающиеся на территориях Армении и датируемые IV—V вв., равноконечны. Такие кресты нам известны из Зовуни, Ошакана, Касаха, Ахца и других раннехристианских памятников. С VI в. кресты меняют свою форму. Как верно отметил Н. М. Токарский⁵¹, концы крестов VI в. имеют соотношение 4:5, в силу чего крест приобретает более гармоничные черты. Формы креста важны и для датировки других памятников материальной культуры. Так, одна из печатей, обнаруженная в карасных захоронениях в Азербайджанской ССР, имеет равноконечный крест и датируется IV—V, а не IV—VIII веками⁵².

Одна из печатей с изображением креста имеет краткую, вероятно сирийскую надпись (табл. XV, 1). Эта печать иностранного происхождения и принадлежала она христианину-неармянину или представителю местной сирийской общины. Не располагая более достоверными доводами, можно тем не менее полагать, что часть печатей с изображением креста, которыми скреплялись буллы, изготовлена в мастерских Двина.

Сасанидские печати с крестами известны мало. В Закавказье они встречаются редко⁵³, в коллекции Государственного Эрмита-

⁵⁰ См. Ч. Ղաֆադարյան, *Դժին քաղաքը և նրա պեղումները*, рис. 133—136.

⁵¹ См. Н. М. Токарский, По страницам истории армянской архитектуры, Ереван, 1973, с. 65.

⁵² См. А. Б. Нуриев, О кувшинных погребениях Шергаха, МКА, VII, Баку, 1973, с. 231—232 (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).

⁵³ См. М. Н. Лордкипанидзе, Геммы Государственного музея, I. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—1941 и 1946—1948 гг. Тбилиси, 1954, с. 92, № 61.

⁴⁶ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 148.

⁴⁷ См. А. Я. Борисов. Эпиграфические заметки, III. Об одной группе сасанидских резных камней, ТОВЭ, т. I, JL, 1939, с. 235.

⁴⁸ См. там же, с. 240. В 1978 г. в Двине найдена печать с изображением ишана, рядом с которым имеется небольшой крест.

⁴⁹ Ղաֆադարյան, *ԻՐ*, с. 131.

тажа нам известен пока лишь один такой образец, который датируется IV—V вв.⁵⁴

В Каср-и Абу Насре, где не исключено участие несториан в утверждении товарных булл, также известны печати, которые можно считать печатями со знаками креста, хотя и заметны некоторые стиливые различия⁵⁵.

Исследователями высказано множество мнений относительно ишанов, встречающихся на печатях. Стремление разгадать тайну их совершенно понятно, поскольку эти знаки в большом количестве изображались на печатях, монетах, керамических сосудах и на серебряных сосудах. Однако, как ни много высказанных мнений, но до сих пор нет окончательного решения. Э. Герцфельд считает, что некоторые из ишанов—монограммы, составленные из букв имени владельца. Ф. Аккерман считает эти знаки «символами атмосферы» или «астральными символами». А. Христинсен усматривает в них знаки различия офицеров различных воинских подразделений. По одной из точек зрения, ишаны являются «неероглифическими символами сасанидского космического трона»⁵⁶.

Р. Гёбль считает, что ишаны абстрактны и происходят скорее из фигуральных форм. Они имеют кочевое происхождение и выступают в качестве знака рода⁵⁷.

Интересные наблюдения сделаны Г. А. Пугаченковой. Она считает их родовыми знаками крупных дворянских родов (отсюда и варианты). Указывая на крупную роль зороастризма, она полагает, что ишаны отображают купол одного из капищ Тахт-и Сулеймана (Гандзака)⁵⁸.

Этот вопрос подробно рассмотрен В. Лукониным. Сопоставив ишаны, встречающиеся на барельефах, монетах и печатях во всех их разновидностях, он делит их на три группы, наиболее часто встречающиеся. В первую группу входят ишаны, встречающиеся на митрах лиц, приближенных царя царей, которые изображены в основном на барельефах. Во вторую группу входят ишаны, которые встречаются на митрах жрецов, лучше всего сохранившиеся на печатях. Ишаны, входящие в третью группу, преимуществен-

но самостоятельны и встречаются как на печатях, так и на керамических и серебряных сосудах⁵⁹. Сравнивая разные группы, В. Луконин выражает мнение, что ишаны, встречающиеся на печатях, принадлежат в первую очередь магам (вторая группа). Ишаны, входящие в третью группу, являются знаками разных храмов-капищ Сасанидского Ирана⁶⁰. В. Луконин не отрицает, что они могут быть также родовыми ишанами и ишанами, которые соответствуют определенным титулам и степеням⁶¹.

На буллах Двина ишаны встречаются трижды. Две из них отдельные печати, (табл. XV; 16, 17), а один оттиснут на булле с четырьмя печатями. Как правило, все печати с ишанами имеют надписи. На буллах с множеством печатей оттиски с ишанами не встречаются.

Отдельные, личные печати могли принадлежать магам, которые, как известно, ведали судебными и прочими делами, и, вероятно, скрепляли печатями соответствующие документы.

В собрании Двина известны также три монограммы, одна из которых—на булле с 45 печатями. Очень вероятно, что это сильно стилизованные буквы имен владельцев печатей.

Исключительный интерес среди найденных в Армении археологических предметов представляет обломок керамического сосуда, найденный во время раскопок холма близ села Айгеван Арагатского района в 1973 г. (руководитель—акад. В. В. Пиотровский), на котором оттиснут ишан, очень близкий по своей форме ишанам, встречающимся на печатях. Этот обломок найден в верхнем слое, который точно датируется V—VI вв. Обломок керамического сосуда с оттиском ишана позволяет предположить наличие в этой части какого-то института, связанного с сасанидским культом; уточнение этого может быть сделано только в ходе дальнейших раскопок. В 1975 г. в этом же месте была найдена голова барана из белого песчаника. Исходя из особенностей обработки, мы склонны считать это капителью. Двуголовые капители при Ахеменидах были довольно распространены и встречаются как в Иране, так и в Закавказье. В последующие периоды, в частности в сасанидский, наличие таких капителей нам неизвестно. Голова барана из Айгевана подтверждает, что здесь мы имеем дело с каким-то культовым сооружением, от которого не сохранилось даже следов; видимо, это сооружение было уничтожено в первые годы принятия христианства.

⁵⁹ См. Сасанидские геммы, с. 39—41.

⁶⁰ См. там же, с. 42.

⁶¹ См. там же, с. 45.

⁵⁴ См. А. Я. Борисов, указ. соч., с. 240; Сасанидские геммы, № 197.

⁵⁵ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 200, 226, 230.

⁵⁶ Сасанидские геммы, с. 38.

⁵⁷ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullien, с. 110.

⁵⁸ См. Г. А. Пугаченкова, Материалы по восточной глиптике, Труды САГУ, вып. CXI, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1957, с. 149. Важно отметить, что это капище несколько раз упоминается у Себеоса: «Կապիճի չրմարիճ ճիճիճ՝ որով Վշիւնիցն կոչէին» («Капище великого иерея, под названием Вшасп», Себеос, с. 27, 29, 80).